

Карданова Бэла Баубековна, Гагуа Лейла Ахмедовна

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ В РОДИЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ КУБАНСКИХ НОГАЙЦЕВ

В статье рассматриваются обычаи и обряды кубанских ногайцев, связанные с рождением и первыми месяцами жизни ребенка. Анализируются основные этапы родильного цикла в контексте социальной и ритуальной функций, выявляются их региональные (общекавказские) и индивидуальные (этнические) свойства. Делается предположение, что изменения обусловлены длительным проживанием данной субэтнической группы в соседстве с другими северокавказскими народами, а также региональной унификацией и общими процессами глобализации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/4-1/20.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(66): в 2-х ч. Ч. 1. С. 77-80. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hlist@gramota.net

Список литературы

1. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.
2. Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И.-М. Ногайцы. Черкесск, 1988. 232 с.
3. Карданова Б. Б. Детские песни ногайцев // Фольклор народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1991. С. 150-164.
4. Карданова Б. Б. Как-как, каргалар. Черкесск, 1989. 40 с.
5. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов / под ред. Е. В. Гиппиуса. М.: Советский композитор, 1980. 223 с.
6. Ногай халк йырлары (Ногайские народные песни) / сост. С. А.-Х. Калмыкова. М., 1969. 216 с.
7. Ортабаева Р. А.-К. Карачаево-балкарские народные песни. Черкесск, 1977. 148 с.
8. Полевые записи (далее – ПЗ) Кардановой Б. Б. 1976 г. в ауле Бесленей Адыге-Хабльского района КЧАО. Инф. Хуранова Е. А., 1929 г. р.
9. ПЗ Кардановой Б. Б. 1976 г. в ауле Кизил-Юрт Хабезского района КЧАО. Инф. Булатукова М.-Х., 1900 г. р. Перевод Б. А. Карасова.
10. ПЗ Кардановой Б. Б. 1976 г. в ауле Кизил-Юрт Хабезского района КЧАО. Инф. Матакаева М. Х., 1929 г. р. Перевод Б. А. Карасова.
11. ПЗ Кардановой Б. Б. 1980 г. в ауле Икон-Халк Адыге-Хабльского района КЧАО. Инф. Карасова Е. Х., 1918 г. р. Перевод Б. А. Карасова.
12. ПЗ Кардановой Б. Б. 1980 г. в ауле Кобан-Халк Адыге-Хабльского района КЧАО. Инф. Баисова К.-Х., 1905 г. р. Перевод Б. А. Карасова.
13. ПЗ Кардановой Б. Б. 1981 г. в ауле Эркен-Юрт Адыге-Хабльского района КЧАО. Инф. Эльгайтарова А.-Х., 1934 г. р. Перевод Б. А. Карасова.

REGIONAL AND ETHNIC COMPONENTS IN LULLABIES OF THE KUBAN NOGAIS

Kardanova Bela Baubekovna, Ph. D. in Art Criticism, Associate Professor
Karachay-Circassian State University named after U. D. Aliev
beka-09@yandex.ru

In the article the lullabies of the Kuban Nogais are considered, the functional purpose, architectonics, artistic and musical means of songs expressiveness are analyzed. Their deep connection with the pagan beliefs of the Turkic peoples and Muslim canons is shown. The regional and individual characteristics are identified. The author also grounds commonness with the similar genres of neighboring peoples, as well as the preservation in them of individual features creating a unique ethnic color.

Key words and phrases: regional peculiarities; lullabies; genre; functional purpose; pagan rites; ritual practice; themes; composition; means of expressiveness.

УДК 392.1

Искусствоведение

В статье рассматриваются обычаи и обряды кубанских ногайцев, связанные с рождением и первыми месяцами жизни ребенка. Анализируются основные этапы родильного цикла в контексте социальной и ритуальной функций, выявляются их региональные (общекавказские) и индивидуальные (этнические) свойства. Делается предположение, что изменения обусловлены длительным проживанием данной субэтнической группы в соседстве с другими северокавказскими народами, а также региональной унификацией и общими процессами глобализации.

Ключевые слова и фразы: региональные черты; этническая специфика; социальная и ритуальная функции; община; защитная магия; обряд; обычай; цикл; этапы; запреты и рекомендации; обереги.

Карданова Бэла Баубековна, к. искусствоведения, доцент

Гагуа Лейла Ахмедовна

Карачаево-Черкесский государственный университет имени У. Д. Алиева
beka-09@yandex.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ЭТНИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ
В РОДИЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ КУБАНСКИХ НОГАЙЦЕВ

Родильная обрядность относится к начальному этапу временного пространства человека. Данная область семейно-бытовой жизни кубанских ногайцев, проживающих в Карачаево-Черкесской Республике, изучена менее других. Исключение составляют публикации ногайского этнографа Р. Х. Керейтова [2] и молодого исследователя А. А. Черкесовой [13], в которых описывается родильная обрядность кубанских ногайцев в контексте других ногайских субэтнических групп – кумских, степных и астраханских ногайцев-карагашей. Ими рассматривается преимущественно этнографический аспект этого жизненного цикла: ритуальные действия, совершаемые при рождении ребенка, народная терминология обрядовых циклов и т.д. Ценность работ указанных авторов заключается, помимо всего, в достоверности сведений, полученных от носителей данной культурной традиции.

Однако при наличии научной литературы по обозначенной проблеме, следует отметить, что, многие аспекты родильной обрядности кубанских ногайцев остались вне поля зрения ученых, что явилось основанием для написания данной статьи. В исследовании использованы экспедиционные материалы авторов, собранные с 1976 по 2015 гг. в различных населенных пунктах Карачаево-Черкесии.

Наши многолетние полевые наблюдения свидетельствуют, что родильная обрядность кубанских ногайцев, как и другие области семейной жизни, сочетают в себе этнические (общеногайские) и региональные (общекавказские) черты, обусловленные, в первую очередь, «...объективной необходимостью приспособления и выживания в определенной среде обитания, а также их религиозными воззрениями» [4, с. 500], мифологическими представлениями и мистическими суевериями.

Рождению, как и другим жизненным этапам человека, сопутствуют множество обычаев, обрядов и рекомендаций, выполняющих важные функции: родовспоможительные, направленные на облегчение родов, охранительные, оберегающие здоровье матери и ребенка, программирующие его будущую судьбу и др.

Еще в свадебных обрядах обозначалось основное предназначение семьи, социальная функция новорожденной – обеспечение рода, общины полноценной семьей. Так, в свадебном ритуале ввода невесты в дом родителей жениха (*кыз келтируве*) совершали магический прием – новорожденную осыпали зерном, олицетворяющим её плодovitость и жизненные силы [5; 8; 12]. Во время проведения обрядов открывания лица (*бет ашар той*), причащения к очагу (*бет йылытув той*) звучали благопожелания (*алгыс*) и песни-состязания (*айтыс*), в которых выказывалось предпочтение обществом многодетности и рождению в семье сыновей [8]:

*Сизге туьскен келининь
Кос ул тапсын, яр-яр.
Косагыннан айырмай,
Бес ул тапсын, яр-яр.*

Невестка, которая пришла к вам,
Пусть дом свой найдёт, яр-яр.
Не расставаясь со своей половинкой,
Пусть пятерых сыновей родит, яр-яр.

Появлению на свет ребенка предшествовал дородовой период, который был важен не только для беременной женщины, но и для других членов общества. Так, в обязанности родни роженицы (тёти, бабушки, матери) входило приготовление для ребенка предметов первой необходимости [Там же]. При этом приготовления делались негласно, так как указанному выше предписанию противоречило суеверие, не позволяющее делать покупки до рождения младенца.

У ногайцев существовали приметы и связанные с ними системы запретов, рекомендаций и оберегов, направленных на защиту ребенка и роженицы, а в некоторых случаях и других членов общины, от негативного воздействия потусторонних сил и людского сглаза. Например, для беременной женщины существовало строгое табу: на нормы поведения, противоречащие общественной морали (злословие, сквернословие, воровство и т.д.), выполнение тяжелой работы, стрижку волос, соблюдение религиозных постов (*ораза*) и ритуалов (делать намаз), участие в похоронных ритуалах, вплоть до оплакивания покойников и т.д. Остальным членам общества запрещалось отказывать роженице в любой её просьбе, так как это могло негативно сказаться на судьбе отказавшего и т.д. [5; 12]. Все перечисленные табу имели не только социально значимую обусловленность, но также были проявлением ритуального отторжения будущей матери от общины и временной её ритуальной смерти.

Запреты для беременной женщины в основном связаны с мистическими суевериями и магией уподобления, согласно которым её поступки (злословие, сквернословие и др.) могли отразиться на внешнем облике, характере, здоровье и судьбе ребенка.

Если ребенок рождался с родимым пятном, считалось, что женщина во время беременности прятала на себе какой-либо украденный предмет, а по форме пятна пытались угадать его. Поступок женщины осуждался обществом, и кроме того, считалось, что её склонности могли передаваться ребенку по наследству [8].

До настоящего времени сохранилась, связанная с магией уподобления, система рекомендаций для будущей матери, которым она должна была неуклонно следовать весь период беременности. Так, чтобы ребенок родился гармоничным (красивым, музыкальным, умным) женщина должна созерцать красивые предметы, слушать приятную музыку, читать научную литературу и т.п. [9].

Последующие обряды, запреты и предписания были направлены на облегчение прихода человека (ребенка) в новый мир. Значительное место в ритуалах этого периода занимала защитная магия: «При рождении дитяти родственники и друзья становятся у ворот отцовского дома и начинают ужасный шум и бряцание молотками в пустые котлы, чтобы тем, как они говорят, утратить и прогнать дьявола от дитяти» [2, с. 170]. В случае тяжелых родов совершали необычное действие: в комнату с роженицей заводили мужа, чтобы тот трижды переступил через жену [Там же]. Считалось, что данное действие способствует благополучному исходу родов. У карачаевцев подобный ритуал мог проводить, помимо мужа, старейшина аула [12].

В период родов часто обращались к магии уподобления. С «узелковой» магией был связан обычай отпирать все двери и замки в доме, расплетать косы, развязывать пояса и узелки, расстегивать пуговицы на одежде роженицы и т.п. Ритуально-магический смысл этих действий – облегчить приход ребенка в этот мир.

С магией уподобления связан еще один обряд, описанный Р. Х. Керейтовым: «Если в момент родов в комнату входила посторонняя женщина, ей разрывали подол платья» [2, с. 170], чтобы роды «разрешались с лёгким подолом». Аналогичные обряды были распространены у карачаевцев и соседних кубанских казаков [6; 11].

При рождении ребенка ногайцы традиционно придерживались пограничных локусов – до середины XX в. рожали дома, но не в жилом помещении, а в специально выделенной комнате на застеленном земляном полу,

используя натуральные природные продукты – солому, войлок и др. Обычай рожать ребенка на земле, застланной соломой, распространен у соседних народов (карачаевцев, черкесов и др.) [6; 12]. Данный обычай мог быть отголоском далекого прошлого, когда в домах простых людей были земляные полы, а жилищами тюркских кочевников служили передвижные юрты.

Принимала роды опытная женщина (*эвия*), – знахарка, повивальная бабка, выполняющая функции акушерки. Для облегчения родов использовали специальные приспособления: к потолку подвешивали веревку или «...кожаный ремень, за который роженица тянула при схватках. Наверху ремня укрепляли подарок для эвии: платки, украшения» [5, с. 42]. Данная информация дает нам, помимо всего, представление о статусе эвии у ногайцев. Такое же отношение к повитухе было и у других народов, вспомним, например, распространенный русский обряд «бабкина каша», во время которого присутствующие собирали деньги для повитухи (в благодарность за проделанную работу).

В период родов эвия совершала ряд значимых действий: принимала роды, обрезала пуповину (*киндик кесуьв*), закапывала последу (*киндик коьмген*), обмывала младенца (*ювындырув*), одевала его в «собачью» рубашку (*ийт коьйлек*) и пр.

Пуповина новорожденному перерезалась ножом и перевязывалась нитью. Как и у других народов, этот ритуал был направлен на формирование «программы» будущей профессиональной деятельности ребенка – «...обрезая на книге – пророчили ученость, на столярном инструменте – мастерство, на ножницах или веретене – домовитость, на плетке – прекрасное наездничество» [3, с. 47].

В обязанности эвии входило не только «программирование», но и «корректировка» половой принадлежности новорожденного. Так, подставкой для перерезания пуповины служили разные предметы: для мальчика – топор, для девочки – ножницы и т.п. От пола ребенка зависели и последующие действия: «...пуповину девочки хранили в сундучке, мальчика закапывали на развилке дорог или по истечении сорока дней привязывали к гриве лошади» [13, с. 156]. В прошлом в ногайских аулах была распространена практика захоронения детской последы во дворе или в углу комнаты (с земляным полом), где принимались роды [Там же]. Обычай прятать или закапывать последу и пуповину, как и у других соседних народов, был связан с естественным желанием уберечь ребенка от злых сил.

Следующим этапом традиционной родильной обрядности являлось обмывание ребенка (*ювындырув*), выполняющее как гигиенические, так и ритуальные задачи. Первое купание было в тёплой, а последующее – в слегка подсоленной воде. С ритуальной же точки зрения эта процедура означала смывание с новорожденного его «потусторонних» свойств [1, с. 43]. В первые дни купания ребенка в воду клали монеты или другие изделия из золота и серебра. Эти действия также служили оберегом от нечистых сил, помимо этого предрекали богатую жизнь ребенку в будущем [10]. После обмывания воду выливали в яму, ждали пока она уйдет в почву, затем яму засыпали руками [2, с. 170], также оберегая новорожденного от злых сил.

Одевание ребенка – важнейший элемент вхождения ребенка в мир людей. Новорожденного одевали в распашонку, сшитую из ношеной одежды старшего члена семьи – мужской рубашки или подола женского платья, что считалось одним из способов приобщения ребенка к своему роду [9]. Завершающим этапом было заворачивание младенца в лёгкую пеленку и одеяло. Сшитую рубашку надевали новорожденному до 40 дней, затем её надевали на собаку, откуда и пошло название обряда «*ийт коьйлек*». Аналогичные обряды распространены и у соседних народов. У карачаевцев такую распашонку называли, как и у ногайцев, «собачьей» / «*ийтлик*», у черкесов – «мышьиной» / «*хьушгьэн*» [6; 8; 12].

Обереги и запреты сопутствовали матери и ребенку и после рождения. Во избежание воздействия на них потусторонних сил, до 40 дней ребенка не оставляли дома одного, не показывали посторонним людям, считая, что он еще не принадлежит семье. В темное время суток женщина не должна была выходить на улицу одна и выносить ребенка, выливать воду во дворе, оставлять детские вещи на ночь и т.д. От сглаза новорожденного оберегали с помощью амулета (*мой тымар*), подвешиваемого на шею, или же к колыбели прикрепляли амулет «дуа», а под подушку клали какой-нибудь железный предмет, возможно, как рудимент языческого ритуала, в настоящее же время его символизируют ножницы [2, с. 171].

Снимали сглаз разными способами: на лбу ребенка ставили пятнышко (первый раз могли нанести кровью жертвенного животного, в остальных случаях – сажей); нашепывали соответствующие молитвы из Корана в ушко; подкладывали под детскую подушку бумажные листы с текстом из Корана; позже стали прикалывать булавку к детской одежде и т.д. [7; 9].

К магии уподобления обращались, когда давали роженице бульон и куриную или баранью шею, веря, что это поможет быстрее окрепнуть детской шейке [2, с. 170]. Данный обычай у соседних народов не встречается.

В специальный обряд оформлялось наречение ребенка именем («*ат атав*»), который, по сути, представлял собой выход младенца из «обезличенного состояния» и вхождение в традиционную общину. Правом наречения имени ребенку обладали члены семьи по отцовской линии: мальчику имя давал дедушка или старейшина рода, девочке – бабушка. В некоторых случаях этим правом пользовались дети по отцовской линии, реже – отец или мать [9].

Чтобы уберечь ребенка от порчи и сглаза, ему давали второе имя (или прозвище). Обычай наречения ребенка двумя, даже тремя именами существовал у многих народов, например, «...на Руси в XVI-XVII веках было широко распространено мнение, что “человека нельзя испортить, изурочить, не зная его имени...”». Иногда с этой целью христиане нарекают тремя именами: «прозвище и два крещеных имени – одно явное, другое тайное... Это делалось по верованию, что лихие люди, зная человека, могут делать ему вред чародейственным способом и вообще иногда легко сглазить человека» [3, с. 53].

День проведения обряда назначался по истечении двух недель. Приглашали всех родственников и соседей, но сам ритуал проводился в отдельной комнате, в которой присутствовали только старшие родственники по отцовской линии. Ритуал проводил приглашенный мулла (эфенди) или же мужчина по отцовской линии (обычно дедушка ребенка). В такой регламентации заключался определенный социальный смысл: новый человек становился членом отцовского рода, увеличивая его численный состав.

Религиозный обряд имянаречения / «азан шақыру» проводился в следующей последовательности: дедушка или мулла благословлял имя, выбранное новорожденному, после чего читал молитву из «Сурь»: «Азан» шептал в правое ухо младенцу, «Икам ат» – в левое ухо, прося для него счастливой жизни (произносил *тилек*) [8]. Р. Х. Керейтов описывает этот обряд следующим образом: «Мулла брал на руки и вслух произносил имя, причем голова ребенка должна была лежать на его правой руке. Старики поочередно брали ребенка на руки и произносили имя вслух. Затем ребенка уносили, стариков угощали, давший имя получал подарок» [2, с. 171].

Ногайцы по случаю имянаречения устраивали *курманлык* – резали жертвенное животное в знак благодарности Всевышнему, устраивали пышную трапезу для всех приглашенных. Этот обряд распространен у соседних народов в настоящее время, причем, для мальчика режут двух баранов, для девочки – одного [6; 8; 12].

С середины XX столетия у кубанских ногайцев произошли изменения в родильных обычаях, обрядах, предписаниях и запретах: исчезла практика принятия родов бабкой-повитухой; не проводятся обряды, связанные с обрезанием пуповины, захоронением плаценты и др. Но, при этом, сохранились многие традиционные запреты для беременной, связанные с магическими суевериями, языческими традициями и мусульманскими канонами.

В последние десятилетия заметно возросло влияние на родильную обрядность мусульманской религии, проявляющееся весьма разносторонне: участие представителей духовенства в религиозно-магических актах с чтением Сур из Корана; проведение жертвоприношения / *курманлык*; использование защитных свойств молитвы при снятии сглаза (нашептывание молитвы, использование различных амулетов / *дуа* с текстами из Корана) и т.д. Следует отметить, что усиление влияния религиозного фактора на родильную обрядность происходит не только у кубанских ногайцев, но и у всех народов Северного Кавказа.

Таким образом, в обычаях и обрядах кубанских ногайцев, связанных с рождением ребенка, присутствовали индивидуальные особенности, формирующие неповторимые национально-этнические черты. Но они имели много общего и с обрядами соседних народов. Эта общность является следствием длительного проживания данной субэтнической группы в соседстве с другими северокавказскими народами, которые приводят к неизбежным трансформациям в их мировосприятии и повседневном укладе жизни. Помимо этого, изменения обусловлены региональной унификацией и современными процессами глобализации, также способствующими нивелированию культурных различий между разными этносами.

Список литературы

1. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 240 с.
2. Калмыков И. Х., Керейтов Р. Х., Сикалиев А. И.-М. Ногайцы. Черкесск, 1988. 232 с.
3. Куракеева М. Ф. Семейная обрядность казаков: к 300-летию Кубанского казачьего войска. Черкесск, 1996. 86 с.
4. Листова Т. А. Обряды и обычаи, связанные с рождением детей. Первый год жизни // Русские. М.: Наука, 1997. С. 500-516.
5. Мутенин И. Т. Ачикулакские ногайцы. Махачкала, 1930. 85 с.
6. Полевая запись (далее – ПЗ) Кардановой Б. Б. 1976 г. в ауле Бесленей Адыге-Хабльского района КЧАО. Инф. Е. А. Хуранова, 1929 г. р.
7. ПЗ Кардановой Б. Б. 1976 г. в ауле Кизил-Юрт Хабезского района КЧАО. Инф. М.-Х. Булатукова, 1900 г. р.
8. ПЗ Кардановой Б. Б. 1980 г. в ауле Кобан-Халк Адыге-Хабльского района КЧАО. Инф. К.-Х. Баисова, 1905 г. р. Перевод Б. Б. Кардановой.
9. ПЗ Кардановой Б. Б. 1981 г. в ауле Эркин-Юрт Адыге-Хабльского района КЧАО. Инф. А. Х. Эльгайтарова, 1934 г. р.
10. ПЗ Кардановой Б. Б. 1994 г. в г. Черкеске КЧР. Инф. М. М. Шалашова, 1913 г. р.
11. ПЗ Кардановой Б. Б. 2009 г. в станице Исправная Зеленчукского района КЧР. Инф. Р. И. Попова, 1938 г. р.
12. ПЗ Кардановой Б. Б. 2015 г. в г. Карачаевске. Инф. М. М. Джукаева, 1969 г. р.
13. Черкесова А. А. Обряды ногайцев, связанные с рождением и воспитанием ребенка // Ногайцы: XXI век. История. Язык. Культура. От истоков – к грядущему: мат.-лы Первой междунар. науч.-практ. конф. (г. Черкесск, п. Эркин-Шахар, 14-16 мая 2014 г.). Черкесск, 2014. С. 155-160.

REGIONAL AND ETHNIC FEATURES IN PUERPERAL RITES OF THE KUBAN NOGAIS

Kardanova Bela Baubekovna, Ph. D. in Art Criticism, Associate Professor

Gagua Leila Akhmedovna

Karachay-Circassian State University named after U. D. Aliiev

beka-09@yandex.ru

The article deals with the customs and rites of the Kuban Nogais associated with the birth and the first months of a child's life. The main stages of puerperal cycle are analyzed in the context of social and ritual functions, and their regional (all-Caucasian) and individual (ethnic) characteristics are identified. The authors suppose that the changes are conditioned by the long dwelling of this sub-ethnic group in neighborhood with other North Caucasian peoples, as well as by regional unification and the general processes of globalization.

Key words and phrases: regional features; ethnic specificity; social and ritual functions; community; protective magic; rite; custom; cycle; stages; prohibitions and recommendations; amulets.